

ИРИОН ЗЕТ

An artistic illustration for a book cover. It features three characters: a woman with long, wavy blonde hair sitting in the center, looking upwards with a soft expression. She is wearing a light-colored, low-cut dress. Flanking her are two men. The man on the left has dark, wavy hair and is looking down at the woman. The man on the right has long, straight blonde hair and large, white feathered wings; he is also looking down at the woman. Both men are wearing dark brown leather harnesses with straps and buckles. They are positioned behind the woman, with their hands near her. The background is dark and moody, with some architectural details visible. The overall style is reminiscent of classic fantasy or gothic art.

МЕЖДУ
КРЫЛОМ И
ПЛАМЕНЕМ

Ирион Зет

Между крылом и пламенем

<https://litres.ru/74207783>

Аннотация

Я думала, сбежав с собственной свадьбы, что хуже быть не может. Пока не упала с неба в другой мир — в объятия крылатого воина с холодными глазами. А потом его повелитель — король-дракон — решил, что я его судьба. Я стала разменной монетой в их древней вражде. Но я не их игрушка. Я выжила в изменах, плену и чёрной магии. И теперь у меня двое: тот, кто нашёл меня, и тот, кто потерял и готов на всё, чтобы вернуть. Их любовь яростна и опасна, а моё сердце разрывается на части. Но чтобы выжить в этом мире магии и интриг, мне придётся выбрать... или не выбирать вовсе.

В КНИГЕ НЕ СОДЕРЖИТСЯ УПОМИНАНИЙ О НАРКОТИЧЕСКИХ ИЛИ ЗАПРЕЩЕННЫХ ВЕЩЕСТВАХ!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 7	40
Глава 8	50
Глава 6	59
Глава 9	64
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1

Ярославна

Я всегда думала, что в день свадьбы сердце будет биться от счастья. А оно билось от тревоги. Слишком громко, слишком часто, будто просило — беги. Я стояла среди гостей в арендованном особняке, в длинном белом платье с шёлковым шлейфом и кружевами, и улыбалась. Все смеялись, чокались бокалами, играла скрипка. Воздух был насыщен запахом цветов и шампанского, но я не могла дышать. Паша — мой жених — исчез. Уже полчаса как.

— Ты его не видела? — спросила я у Наташи, одной из подружек невесты.

Она рассмеялась, легко, звонко, и тронула меня за плечо: — Ну ты же знаешь Пашку, вечно пропадает. Может, нервы шалят. Пусть подышит.

Я кивнула, но что-то в её взгляде было... скользкое. Как будто она прятала тайну. Я оставила бокал на подоконнике и вышла в коридор. Пустой. Тихий. За закрытыми дверями смех и музыка, а здесь — будто другой мир. Я шла по нему медленно, стараясь не обращать внимания, как стучат каблуки. Он не мог... Он не стал бы... Боже, только не сегодня.

Я прошла по лестнице на второй этаж, к гостевым комнатам. Двери были заперты. Кроме одной. Приоткрытой. Оттуда доносился ритмичный стук — глухой, влажный, и чьё-то

приглушённое дыхание. Я замерла. Подошла ближе. Сердце колотилось уже в горле, ладони вспотели. Толкнула дверь. И мир рухнул.

Паша. Мой жених. В свадебной рубашке, расстёгнутой и сползшей с плеч. Его тело выгибалось, он двигался резкими толчками, вцепившись руками в бёдра Вики. Моей свидетельницы. Подруги, с которой мы росли, учили уроки, делились секретами, примеряли платья. Она закинув голову, стонала — громко, смачно, как в дешёвом порно. Её руки скользили по его спине, ногти оставляли алые полосы.

Я не дышала. Не могла. Всё сузилось до их слипшихся тел и звука влажных ударов. Меня будто ударило по лицу.

— Паша... — сорвалось у меня.

Он вздрогнул, обернулся, и я увидела его лицо — не виноватое, не испуганное... раздражённое.

— Твою мать... Яра... — выдохнул он, но не остановился. Только замедлился.

Вика обернулась тоже — и... улыбнулась. Криво, самодовольно.

— Ну... теперь ты знаешь, — сказала она лениво, скользнув по мне взглядом. — Уж лучше я, чем кто-то левый, правда?

Я стояла на ковре, и кружево платья тяжело спадало с моих рук. Ни слёз, ни крика. Пустота. Словно кто-то выдрал из груди сердце и оставил дыру.

Паша выдернул руку из её волос, шагнул ко мне, натяги-

вая штаны.

— Яра, подожди. Это... это ничего не значит. Просто... нервы, алкоголь... Ты же знаешь, я тебя люблю.

Он тянулся ко мне, но его пальцы будто проходили сквозь воздух. Сквозь меня.

— Не прикасайся, — прошептала я.

Он замер. Я развернулась и пошла прочь, шлейф платья скользил по полу, как след от ножа. Позади что-то сказала Вика, Паша кричал мне, но я не остановилась.

Я шла по коридору, по лестнице, сквозь смех, скрипку, цветы и шампанское, обрывая по дороге длинный подол платья. Схватила с вешалки свое пальто и сумочку с необходимым барахлом. Открыла дверь и вышла в ночь. Вот так началось моё бегство.

Ночь встретила меня тишиной и холодом. Двор был пуст, мокрый асфальт отсвечивал фонарями, а в воздухе висел запах роз из свадебных арок, сброшенных и увядших. Я шла быстро, потом бежала, пока не сбился ритм дыхания. Платье, музыка, люди — казалось, что это не было со мной.

Ноги сами привели меня на вокзал. Я стояла у окошка, где покупают билеты, не зная, что сказать. Покопавшись в сумочке достала карту с небольшими средствами на счете и просунула его в кассу.

— Куда билет? — спросила кассирша устало, не поднимая головы.

— Куда-нибудь, где нет людей, — сказала я. — К горам.

Она подняла на меня глаза — и почему-то кивнула, будто поняла.

Поезд шёл всю ночь. Я сидела у окна, обняв колени, и смотрела, как темнота разрывается фонарями и снова сшивается. Город отступал, гас. С каждым стуком колёс уходил кусок меня, и пустота внутри росла. Я закрывала глаза — и снова видела их тела. Как Паша выгибается над Викой. Как она улыбается мне, не останавливаясь.

Слёзы не шли. Боль сжалась в маленькую твёрдую точку в груди. Где-то под утро уснула.

Вышла на крошечной станции. Горы поднимались прямо из облаков, острые, хищные, с белыми шапками снега. Воздух был другим — чистым, пронзительным, живым. Он обжигал лёгкие и пах хвоей. Я пошла по тропе. Камни хрустели под ногами, трава цеплялась за подол порванного платья. Солнце резало глаза, но внутри было пусто. Каждый шаг отдавался в теле, будто я срывала с себя кожу.

Я шла долго, всё выше и выше. Холод будто чистил меня изнутри, вымывал остатки чувств. Внизу осталась жизнь, наверху было только небо и ветер. Пещера нашлась случайно. Узкий разлом в скале, скрытый между сосен. Я пролезла внутрь, зажигая фонарик на телефоне. Тьма сомкнулась вокруг, плотная, влажная, пахнувшая сыростью и камнем. Почему я пошла именно сюда, я не знала, но что-то влекло дальше. Я шла, пока не оказалась в зале — огромном, как собор. И увидела чудо. Кристалл, почти с человеческий рост, сияю-

щий мягким золотым светом. Он пульсировал, будто жилой, и свет тек по его граням, как кровь по венам.

Каждое биение отзывалось в моей груди, вытягивая наружу всю боль, весь яд. Я протянула руку. Мир вспыхнул. Взрыв света сорвался, как крик. Воздух сжался в точку, землю унесло из-под ног. Я полетела в пустоту, как лист в буре. Тело выворачивало, кости пели от боли, но я не могла закричать — голос остался там, по ту сторону. А потом — тишина...

Я лежала на чем-то горячем. Надо мной тянулось сиреневое небо, в нём медленно плавали облака, отливавшие розовым и золотым. Солнца было три. Я провела рукой и зачерпнула пепел. Мои волосы рассыпались по плечам светлым водопадом, золотистым, как мёд. Я коснулась их пальцами и вздрогнула — вчера они были тёмными. Кожа казалась тонкой и светящейся, как фарфор. Я не знала, кто я теперь, и где я.

Я попыталась встать, ноги подогнулись, и я рухнула обратно, прямо на тлеющие угли. А затем услышала это. Шорох. Сначала лёгкий, как шелест крыла бабочки. Потом — сильнее, ближе, мощнее. Воздух задрожал. Я подняла голову. Над полем скользила фигура. Мужчина. Высокий, стройный, с огромными белоснежными крыльями, распахнутыми за спиной. Они сияли, как живой свет. Его силуэт был резкий, хищный, прекрасный — будто выкованный из снега и солнца. Я затаила дыхание. Он спустился прямо ко мне.

Глава 2

Лиар

Я ненавижу эти выезды на границы. Патрулирование — дело для рядовых, не для капитана королевской гвардии. Но сегодня я сам вызвался. Любой предлог был хорош, чтобы сбежать из дворца. Сбежать от короля.

Дворец... Каменная ловушка, пропитанная запахом интриг, лести и вечного страха. Там каждый вздох взвешивали, каждое слово анализировали на предмет измены. А я был не просто стражем, я был украшением, живым символом верности, прикованным к трону своими же крыльями, своей родословной. Король смотрел на меня особым взглядом — недоверчивым и собственническим одновременно. Он даровал моей семье титулы, но эта милость оказалась удавкой на шее. Я был слишком заметен, слишком силен, и он этого не забывал ни на мгновение. Мой побег на границу был актом тихого, отчаянного неповиновения. Возможно, здесь, среди бескрайних лесов и пустынных скал, я снова смогу дышать полной грудью. Или хотя бы на мгновение забыть тяжесть королевского расположения.

Ветер бил мне в лицо, и я наслаждался его ледяной яростью. Мои крылья, мощные и привыкшие к долгим перелётам, ровно рассекали воздух. Каждый взмах был отточен годами тренировок и сражений, мышцы спины работали в иде-

альном ритме, несмотря на тяжёлые латы. Внизу проплывали багряные кроны деревьев. Осень здесь, на окраинах, была по-настоящему дикой и огненной, не то что в придворных садах, где каждый лист подстригали до совершенства. Я летел низко, почти касаясь вершин, искал в этом однообразии утешение. И не находил. Мысли, от которых я бежал, настигали меня и здесь, высоко в небе. Лица павших подчинённых, холодная усмешка королевского фаворита, пустота в собственной опочивальне, где даже тишина казалась обвинением. Я мчался сквозь воздух, будто пытаюсь оставить всё это позади, но оно цеплялось за душу, как колючки репейника.

Внезапно воздух дрогнул. Словно сама ткань мироздания надорвалась с противным, рвущим слух хрустом. Это был не звук, а скорее ощущение — глухой удар в диафрагму, за которым последовала леденящая вибрация, пронизывающая каждую кость. Волоски на моих руках встали дыбом. Инстинктивно я сделал крутой вираж, почти на грани срыва в штопор, и рванул вверх, набирая высоту. Что бы это ни было, оно пахло бедой. Но не набегом разбойников или пробуждением лесного тролля. Это была чуждость, проникающая в самое нутро, нарушающая привычный порядок вещей. В ушах ещё звенело, а в горле стоял привкус железа и статики.

Я увидел дым ещё до того, как достиг поляны. Чёрный, едкий, он стелился по земле, но это был не дым от костра. В нём не было уюта древесного горения, он был тяжёлым, мас-

лянистым, словно состоял из теней. Пахло озоном, как после удара молнии, и расплавленным камнем — резким, горьким ароматом, знакомым по кузням, но здесь он был в тысячу раз сильнее. И ещё чем-то... сладким и чужим, словно смесь мёда, полыни и неведомых специй с далёких, не нанесённых на карты островов. Этот запах тревожил инстинкты, сигнализируя об опасности, которую разум ещё не мог осознать.

Когда я спустился ниже, у меня перехватило дыхание. Посреди лесной чащи зияла чёрная рана — огромная воронка, из которой валил пар. Она была идеально круглой, будто вырезанной гигантским раскалённым ножом. Земля вокруг спеклась в стекловидную массу, местами ещё красную от жара, пузырящуюся и потрескивающую. Деревья по краям не были повалены — они просто исчезли, испарились, оставив после себя лишь обугленные пеньки превращённые в чёрное стекло. В воздухе висело звенящее безмолвие — ни птиц, ни насекомых, только шипение остывающей породы. Я мягко приземлился на краю, сложив за спиной крылья, и осторожно ступил на хрустящее под ногами стекло. Тепло, исходящее от земли, проникало сквозь подошвы сапог. И увидел её.

В самом центре этого ада, свернувшись калачиком, лежала она. Хрупкое создание в лохмотьях жемчужного цвета, ткани которых переливались даже здесь, в этом мраке, отливая перламутром и серебром. Её кожа была бледной, как у лесной нимфы — фарфоровой, почти прозрачной, сквозь которую угадывались тончайшие голубые прожилки.

А волосы... Её волосы были подобны расплавленному золоту. Они рассыпались по чёрному стеклу, и этот контраст резал глаза. Казалось, они светились собственным мягким светом, противостоящим тьме воронки. Она была ранена. Из уголка губ текла тонкая струйка крови.

Я стоял, не двигаясь, пытаюсь осмыслить картину. Иномирянка. Слухи о таких вещах ходили в старинных хрониках, но я никогда... Никто из живых, кого я знал, не видел ничего подобного. Это были сказки, страшилки, метафоры. Сердце бешено заколотилось в груди от внезапно нахлынувшего, острого любопытства. Мой долг был ясен — немедленно доложить королю. Доставить девушку ему. Эта находка перевешивала любые патрули, любые отговорки. Он заполучил бы величайший трофей. Мысль была горькой, но логичной. Так меня учили. Такова была вся моя жизнь — долг превыше всего.

Но когда я сделал шаг вперёд, она пошевелилась. Её пальцы дёрнулись, слабый стон вырвался из груди — звук, полный такой нечеловеческой боли, что мороз пробежал по моей коже. И что-то во мне перевернулось. Она была так беззащитна. Так одинока в этом чужом, враждебном мире. Как я. Как я в своей позолоченной клетке, среди сотен придворных, где не мог доверить никому ни единой мысли.

Я рухнул на колени рядом с ней, не в силах дышать. Стекло хрустнуло и впилося в доспехи. Мои руки, эти руки, что держали меч и лук, что убивали врагов королевства, что

без колебаний выполняли любой приказ, вдруг задрожали. Я медленно, боясь сделать больно, прикоснулся к её шее, ища пульс. Её кожа пылала огнём, но внутри, под пальцами, чувствовалась дрожь, слабая и прерывистая, как у пойманной птицы. И в этот миг она открыла глаза. Тёмные, бездонные, полные паники и боли. В них не было ничего знакомого — ни человеческого, ни эльфийского, ни даже звериного. Это были глаза существа, вырванного из своей вселенной и брошенного в чуждую. Она что-то прошептала на незнакомом языке — слова звучали мелодично и странно, словно трель падающих капель или звон разбитого хрусталя. Её взгляд метнулся по сторонам, не видя меня, не видя ничего, кроме внутреннего кошмара. Потом сознание снова оставило её, и она обмякла в моих руках.

Я не думал. Я действовал, повинаясь тому самому глухому импульсу, что заставил меня сегодня бежать из дворца. Сорвал с плеч свой тёплый плащ из серого волчьего меха — простой, грубый, не королевский — и закутал её в него, стараясь укрыть от надвигающегося вечернего холода и от чужих взглядов, будто они уже были здесь. Поднял её на руки, прижал к груди. Её золотая голова упала мне на плечо, волосы коснулись моей щеки — шёлковые, невероятно мягкие и пахнущие дымом, озоном и чем-то незнакомым, цветочным, словно далёкий сад, залитый двумя лунами. Расправил крылья оттолкнулся от земли. Мы взмыли в небо, оставляя позади чёрную воронку. Я летел быстро, огибая знакомые

скалы, петляя между ущелий, направляясь к своему старому охотничьему домику на окраине леса, в глуши, куда даже королевские курьеры забредали редко. Не во дворец. Ни за что на свете я не отнес бы её сейчас во дворец. Это решение родилось мгновенно и бесповоротно. Это было похищение. Измена. Предательство всего, чему я клялся служить. И в то же время — это было первое по-настоящему свободное решение за долгие годы.

Я смотрел на её бледное, безжизненное лицо на моём плече и чувствовал, как в моей душе, мёртвой и выжженной уже так давно, шевельнулось что-то новое. Что-то опасное. Не просто интерес или жалость, а тревожное, щемящее чувство ответственности, смешанное с запретным, дурацким любопытством и страхом — не за себя, а за неё. Что я наделал? Я не знал, кто она, откуда, что за сила выбросила её сюда. Но я знал одно: отныне её судьба, её тайна и её незащищённость были в моих руках. И это бремя было страшнее и прекраснее любого королевского приказа. Я летел в сторону заката, и багряные лучи освещали золото её волос на моём плече, словно предвещая пожар, который это решение неизбежно должно было вызвать в моей прежней, упорядоченной жизни.

Глава 3

Иртис

Я сидел на троне, выточенном из цельного обсидиана, и чувствовал, как скука разъедает меня изнутри, словно ржавчина. Советник что-то бубнил о поставках зерна из южных провинций, о пересыхающих колодцах в Тарнийской долине и о досадных отсрочках в выплатах наёмникам с Горгульих хребтов. Его голос был ровным, монотонным, фоном для моих мрачных мыслей. Я барабанил пальцами по рукояти кресла, мечтая о громе сражения, о рёве дракона, о чём угодно, что разорвёт эту удушающую паутину придворного бытия. За высокими витражными окнами, сквозь которые струился тусклый свет двух лун, лежал мой мир — Эстария, огромная и скучная в своём предсказуемом существовании, скованная тисками многовековой магии, правил и условностей. Каждый день был лишь бледной копией вчерашнего: те же церемонии, те же сплетни, шепчущиеся в мраморных галереях, те же просители с вечно одинаковыми лицами, застывшими в гримасе подобострастия или трепета. Даже интриги при дворе утратили всякий вкус, став таким же рутинным делом, как проверка счетов казначея. Я ловил себя на мысли, что с завистью вспоминаю дни моего восхождения на этот самый трон — дни, наполненные запахом крови, пороха и реальной опасности, когда каждый шаг мог стать последним.

Теперь же я был лишь вершиной огромной, неповоротливой пирамиды, чьё основание медленно, но верно погружалось в трясину бюрократии и устаревших догм. Обсидиан трона казался не символом власти, а роскошной тюрьмой, вырезанной из самой ночи.

И вдруг... я её почувствовал. Тончайшая вибрация, идущая от камней дворца, от самого воздуха, пронизывающая костяк величественного здания, которое помнило сотни королей до меня. Сперва я принял её за гул в ушах от бесконечных речей советника, но нет — это было иначе. Казалось, сам фундамент Черного Замка, сложенный из базальта, добытого в огнедышащих жерлах Дымящихся гор, издал едва слышный стон, откликаясь на что-то извне. Воздух в зале, тяжёлый от ароматов, заколебался, и в нём проступил новый оттенок — запах озона перед грозой, смешанный с ароматом далёких, незнакомых цветов и ледяной, чистой свежестью высокогорья. Зов. Незнакомый, но до боли желанный. Он пронзил всё моё естество, заставив сердце сделать мощный удар, от которого перехватило дыхание. Это было так же внезапно и необъяснимо, как падение в пропасть во сне. Всё моё тело, каждый нерв, каждая капля крови, насыщенная наследственной магией моей династии, отозвались на этот импульс. Это был чистый импульс смысла и притяжения, вбитый прямо в сознание, словно гвоздь из света. На мгновение исчезли и стены тронного зала, и скучающие лица придворных, и даже моё собственное тело. Осталась лишь эта виб-

рация — пульсирующая, живая, манящая нить, протянутая сквозь пространство и время из какой-то невообразимой дали.

Я выпрямился на троне, вслушиваясь в это новое ощущение, отбрасывая прочь налёт скуки. Это была не магия Эстари. Магия Эстари имела вкус старого пергамента, пыли и металла. Она была соткана из договоров с древними духами, из заклинаний, вызубренных наизусть, из церемоний, растянутых на дни. А это... это было что-то иное. Чистое, яркое, как вспышка молнии в крошечной тьме, первозданное и необузданное. Оно не просило разрешения и не подчинялось правилам. Оно просто было — мощное, дикое и бесконечно свободное. Истинная сила, та самая, о которой говорили полузабытые легенды, что ходят среди старых солдат у костров на дальних заставах, о которой шептались маги-отступники, сожжённые на площадях ещё при моём деде. Её называли «Дыханием Мира», «Песнью Творения» или «Кровью Звёзд». Все думали, что это лишь красивые сказки для тёмных и невежественных. Истинная. И она звала меня.

Советник, заметив моё внезапное оживление, запнулся на полуслове о тарифах на речную переправу, его пергамент свистнул, дрожа в нерешительно опущенной руке. Его старый, морщинистый лоб покрылся мелкими каплями пота — он уловил перемену, почуял её, как старый пёс чует приближение бури.

— Ваше величество? Вам что-то не по нраву? Может, из-

волите отдохнуть? Выглядите вы... не совсем собой, — его голос дрогнул, выдав давно скрываемый страх перед моими нередкими переменами настроения, которые могли закончиться для кого-то плачевно.

Я поднял руку, заставив его замолкнуть одним резким, отрезающим жестом. В этом жесте была вся нетерпимость, все скопившееся за годы раздражение. Я закрыл глаза, отсекая визуальный шум, позволяя зову вести меня, ловил его тончайшую, сияющую нить среди гула собственной крови в висках. Я сосредоточился, отбросив мысли о налогах, о спорах лордов, о бесконечных бумагах. Зов был слабым, едва уловимым, словно эхо из другого мира, доносящееся сквозь толщу вод или пласт горной породы, но он был реален. Я мог почти увидеть его направление — тонкий луч незримого света, пробивающийся сквозь стены, улетающий за пределы дворца, города, королевства. Он уходил на север, туда, где заканчивались пахотные земли и начинались хвойные леса, где замки сменялись одинокими сторожевыми башнями. Он пульсировал где-то там, на севере, за ледяными пиками Хранителей Безмолвия, где кончались даже мои самые подробные карты, где начинались белые пятна, помеченные грозными словами «Земли Холода» или «Ничейная Пустошь». И он был связан с тем, что давно, тысячелетия назад, ушло из этого мира, оставив после себя лишь циклопические руины, странные артефакты, не поддающиеся никакой магической диагностике, и вопросы без ответов в древних хрониках. Это

была сила эпохи, предшествовавшей нашей, эпохи, когда магия была не дисциплиной, а частью самой природы вещей.

— Лиар, — вырвалось у меня само собой.

Я открыл глаза. В тронном зале повисла напряжённая, гулкая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факелов в железных раструбах по стенам. Придворные замерли, переглядывались украдкой, не понимая, что происходит, их лица застыли в масках почтительного недоумения и скрытой тревоги. Певчие птицы в позолоченных клетках, обычно щебетавшие без умолку, вдруг смолкли, нахохлившись, спрятав головы под крыло. Животное чутьё не подводило. Даже моя личная стража, недвижимые статуи в чёрных латах у подножия трона, кажется, напряглась, уловив перемену в ауре своего повелителя. Их руки, лежавшие на эфесах мечей, слегка сдвинулись, приняв более готовую позицию. Они не знали, откуда ждать угрозы, но их долг — чувствовать её приближение. А угроза витала в самом воздухе.

— Капитан Лиар отсутствует на своём посту, ваше величество, — осторожно, сделав шаг вперёд, чтобы не привлечь лишнего внимания, сообщил старший из стражников. — Он отбыл с малым отрядом на патрулирование северных рубежей по-вашему же указу три дня назад. Должен вернуться к следующему полнолуннию. Последнее донесение с голубем пришло вчера на рассвете — всё спокойно, следов нарушений границы или активности недругов не обнаружено.

«Всё спокойно». Ирония этих слов заставила мои губы

искривиться в подобие улыбки. О, теперь там было всё что угодно, только не спокойствие. Теперь там бушевало то, от чего дрожали камни моего дворца.

Внезапная, жгучая догадка ударила меня по нервам, словно удар хлыста, облитого ледяной водой. Он. Конечно, он. Лиар, чьи предки пришли из тех самых северных диких земель, кто слышал шёпот ветра в ущельях лучше, чем льстивые речи при дворе. Человек с глазами цвета зимнего неба, в которых читалась вечная, невысказанная тоска по просторам, а не по замковым стенам. Он, с его звериной интуицией и холодным, пронзительным взглядом, который, как поговаривали, не поддавался магии иллюзий и мог разглядеть суть вещей. Он всегда чуял то, что было скрыто от других, находил тропы, которых не было на картах, и источники, не обозначенные ни в одном свитке. Он, мой лучший охотник, мой безотказный клинок в тени. Он нашёл её. Первым. Пока я томился здесь, в позолоченной клетке, утопая в бумагах и скуке, он, свободный, шёл по следу.

Чёрная, ядовитая ревность, острая как клинок, кольнула меня под рёбра, смешавшись с диким, почти животным азартом и яростным, всепоглощающим чувством собственничества. Это должно было найтись мной. Это предназначение, эта сила, способная развеять скуку в прах, — всё должно было принадлежать мне. Лиар был верным псом, сильным, умным, незаменимым. Но даже верный пёс не должен забегать вперёд и хватать добычу, предназначенную для хозяина.

Мысль о том, что он сейчас стоит там, в ледяной пустоши, лицом к лицу с источником этого зова, пока я здесь... она была невыносима. Она жгла изнутри, превращая привычную снисходительность к капитану в нечто тёмное и колющее.

Я медленно, с театральной величавостью, поднялся с трона. Складки моего тяжёлого бархатного плаща, отороченного пепельным мехом зимнего волка, бесшумно скользнули по холодным полированным ступеням обсидианового возвышения. Моя тень, отброшенная капризными магическими огнями, плясавшими в хрустальных шарах, подвешенных на цепях под самыми сводами, заколебалась на стене, вытянулась, стала неестественно большой и тёмной. На мгновение она приобрела чёткие, пугающие очертания крылатого дракона. По залу пробежал сдержанный, испуганный шёпот. Я проигнорировал его, как всегда игнорировал ропот толпы.

— Готовить сопровождение, — прозвучал мой приказ. — Капитан Лиар, судя по всему, обнаружил нечто, представляющее чрезвычайный интерес для короны. Нечто, что не терпит промедления. Мы едем к нему. Теперь же. Эскорт — лёгкий, быстрый. Только лучшие. Через полчаса я хочу видеть седланных грифонов во Внутреннем дворе.

Приказ повис в воздухе, а затем зал взорвался суматохой. Стражники бросились выполнять приказ, их тяжёлые сапоги гулко отстукивали по каменным плитам. Придворные засуетились, отпрянули к стенам, давая дорогу бегущим солдатам и слугам. Советник, побледневший как полотно, беспо-

мощно смотрел на свиток в своих руках, понимая, что все его отчёты, подсчёты и планы в одно мгновение превратились в ничто перед этим новым, всепоглощающим порывом короля. Мир бюрократии рухнул, и на его обломках вновь проснулся мир инстинктов, силы и охоты.

Толпа придворных расступилась передо мной в почти-тельном и пугливом молчании. Зов истинной силы всё ещё звучал в моей крови, нарастая с каждой секундой, превращаясь из далёкого эха в настойчивый, звенящий бой колокола, который слышал лишь я. Он бился в такт моему сердцу, ускоряя его ритм, наполняя жилы не знакомым мне ранее огнём.

Она была здесь. В моём мире, на моей земле. И теперь она будет только моей. Капитан Лиар, верный и эффективный, сделал своё дело, выследив источник зова, как отслеживают редкого зверя. Теперь настала моя очередь — прийти и забрать трофей. Право сильного. Право короля.

Я шагал по длинному пурпурному ковру, ведущему к высоким дверям не видя застывших в низких поклонах царедворцев, не слыша их сдержанного шёпота. Мой внутренний взор был устремлён туда, на север, за ледяные пики. Я уже чувствовал на лице воображаемый укус ледяного ветра. Я думал о бескрайней снежной пустоши, о сиянии звёзд в чёрном небе, о тишине, нарушаемой только завыванием выюги. И посреди этой пустоши — о точке притяжения, о сверкающем источнике той силы, которая звала. Скука была мертва,

растоптана, забыта. Её место заняла жажда обладания той, что могло перевернуть весь известный мир. И страх, острый, как игла, — страх опоздать. Каждый миг, проведённый здесь, в тепле и уюте дворца, был мигом, подаренным Лиару. Мигом, который он мог использовать. Этого допустить было нельзя. Я ускорил шаг. Пустошь севера ждала. И моя судьба тоже.

Глава 4

Ярославна

Я спала. И мне снилось, что я тону. Тёмная, холодная вода смывала с меня боль, стыд, воспоминания. А потом чьи-то руки вытащили меня на свет. Я открыла глаза. В доме было тихо. Огонь в очаге догорал, окрашивая стены в оранжевые тени. Никого не было. На табурете рядом с моим ложем стояла кружка с водой и та же миска с похлёбкой, уже холодной.

Я села, и на этот раз голова почти не закружилась. Слабость оставалась, но уже не та всепоглощающая. Я осмотрела себя. Кто-то — очевидно хозяин дома — передел меня в простую, чистую и мягкую льняную рубаху. Мои вещи, те лохмотья свадебного платья, аккуратно лежали на сундуке в углу.

Я допила воду и попыталась встать. Ноги подчинились, хоть и дрожали. Я сделала несколько шагов, опираясь на грубую мебель. Окно было затянуто бычьим пузырьём, но сквозь него пробивался дневной свет.

Дверь скрипнула. Я вздрогнула и обернулась. В проёме стоял тот кто принес меня сюда. На его плече был перекинут тушка какого-то незнакомого зверька, в руках — связка корней. Увидев меня на ногах, он замер, и на его суровом лице мелькнуло что-то похожее на удивление, а затем — на одобрение. Он что-то сказал, кивнув в сторону очага. Я лишь

пожала плечами, показывая, что не понимаю.

Он вздохнул, бросил добычу на стол и подошёл ко мне. В его глазах читалась решимость. Он достал из складок своей одежды небольшой кожистый мешочек и развязал его. Оттуда он извлёк два предмета: маленькую, похожую на окаменелую слезу, жемчужину матово-серебристого цвета и тонкий серебряный ободок, похожий на диадему, но без украшений.

Лиар прикоснулся ободком к моим вискам. Металл был на удивление тёплым. Он что-то прошептал на своём языке — слова звучали как заклинание, древнее и могущественное. Затем он поднёс к моим губам ту самую жемчужину, давая понять, что это надо проглотить. Я медленно открыла рот. Он положил жемчужину мне на язык. Она была гладкой и на вкус и начала сразу же таять, распространяя по рту приятный холодок.

— Теперь ты понимаешь меня? — спросил он, и в его янтарных глазах плескалась тень беспокойства.

— Да, — кивнула я. - Понимаю.

Он выдохнул с облегчением.

— Меня зовут Лиар. Лиар. Я ирлинг. А тебя?

— Ярославна, — прошептала я. — Я... я не отсюда.

— Это я понял, — он кивнул. Его взгляд стал серьёзным. — И тебе очень повезло, что нашёл тебя я. Другие... отнесли бы к иномирянке иначе.

Внезапно снаружи донёсся звук рога. Долгий, пронзительный, властный. Лиар вздрогнул, как будто его хлестнули кну-

том. Его лицо моментально стало каменным, все намёки на мягкость исчезли.

— Слишком поздно, — пробормотал он почти беззвучно, глядя на дверь с таким выражением, будто на пороге стояла сама смерть. — Он уже здесь.

Лиар замер на месте, и его лицо стало маской — бесстрастной, отстранённой, вырезанной из льда. Только в глазах, тех янтарных глубинах, бушевала буря — яростная, беспомощная.

— Он уже здесь, — повторил он, и слова прозвучали как приговор.

— Кто? — спросила я, чувствуя, как по спине пробежал холодок страха.

Лиар посмотрел на меня, и в его глазах читалось что-то сложное — предостережение, жалость, чёрная досада.

— Король, — ответил он коротко. — Король-дракон Ир-тис. И он приехал за тобой.

Лиар набросил на меня свой плащ — тот самый, серый, из волчьего меха, пахнувший дымом и хвойным лесом. Он был огромным, закрывал всё, включая руки.

— Молчи, — сказал он тихо. — Смотри в пол. Не поднимай глаз, пока он не обратится к тебе. И... — он запнулся, ища слова. — Не верь ему. Ни одному его слову. Он дракон. Он лжёт так же легко, как дышит.

Снаружи слышался топот копыт, ржание невиданных зверей, звон доспехов и приглушённые команды. Двор на-

полнялся людьми. Много людей. Лиар глубоко вдохнул, выпрямил плечи, и я увидела, как он надевает на себя другую маску — не бесстрастия, а почтительного, холодного служения. Он распахнул дверь. Я зажмурилась от хлынувшего потока дневного света. Когда я осмелилась приоткрыть глаза, то едва не вскрикнула.

Маленький, заросший двор перед охотничьим домиком был заполнен воинами. Они сидели верхом на огромных грифонах, с переливающимися перьями. Звери беспокойно перебирали копытами, и из их ноздрей валил пар. Над головами воинов развевались знамёна с вышитым золотым змеем-драконом, пожирающим собственный хвост. И все они смотрели на нашу дверь. Десятки пар глаз. Любопытных, оценивающих, холодных.

Лиар вышел вперёд, оставив меня в проёме, и склонил голову в почтительном поклоне. Я последовала его совету, уткнув взгляд в землю. Я видела только сапоги воинов и подола их темных плащей. Затем я увидела другие сапоги. Из тонкой, мягкой кожи, расшитые сложнейшим узором из серебряных нитей. Они бесшумно ступили на траву передо мной. Воздух вокруг изменился. Он стал густым, тяжёлым, наполнился запахом озона, дорогого ладана и чего-то ещё... дикого, опасного, нечеловеческого. Пахло грозой и пеплом.

— Встань, — прозвучал голос. Низкий, бархатный, пронизывающий до самых костей. В нём была власть, не терпящая возражений. И какая-то хищная, ленивая уверенность.

Я медленно подняла голову, нарушив запрет Лиара, потому что у меня не было выбора. Сначала я увидела тонкие руки в темно-бордовом камзоле, длинные пальцы, украшенные массивными перстнями с тёмными камнями. Потом — широкие плечи, высокий воротник, подпиравший решительный подбородок. И наконец — лицо.

Он был прекрасен. Такой красотой, от которой становится не по себе. Словно его высекали из мрамора, вкладывая в черты всё коварство и величие мира. Его кожа была чуть смуглой, словно опалённой внутренним огнём, волосы — чернее ночи, и они ниспадали тяжёлыми волнами на плечи. А глаза... Его глаза были цветом расплавленного золота. Вертикальные зрачки, как у большой кошки, сузились, поймав мой взгляд, и не отпускали. В них не было ничего человеческого. Только бесконечная глубина и голод. Голод хищника, который увидел добычу. Это был Король-Дракон. Иррис.

Он медленно, с наслаждением оглядел меня с ног до головы, и его взгляд был почти физическим прикосновением. Мне казалось, он видит меня насквозь.

— Так это и есть находка капитана Лиара? — он произнёс это так, словно ирлинга не было рядом. Губы короля, полные и насмешливые, тронула лёгкая улыбка. — Хрупкий цветок, заблудившийся не в том саду. Поднимись красавица. Позволь мне взглянуть на тебя.

Его пальцы скользнули под мой подбородок, заставляя

меня выпрямиться. Прикосновение было обжигающе горячим. Я вся затрепетала, как птица в когтях ястреба.

- Как твое имя?

— Я... Ярославна, — выдохнула я, сама не зная зачем.

— Ярославна, — он растянул мое имя на своем языке, наделив его новыми, странными оттенками. Звучало это и красиво, и опасно. — Добро пожаловать в Эстарию. Капитан, — он наконец повернул голову к Лиару, не отпуская меня. — Ты проявил рвение, доставив нашу гостью в безопасное место. Но теперь я беру её под свою опеку. Только дворец — подходящее место для такой... редкости.

Взгляд Лиара был устремлён в пространство где-то за плечом короля. Его лицо не выражало ничего.

— Как прикажете, ваше величество.

— Прекрасно, — Ирчис снова обратился ко мне. Его золотые глаза пылали. — Ты должно быть напугана. Сбита с толку. Мои люди обеспечат тебе всё необходимое. Одежду. Еду. Комнату с видом на сады. Я позабочусь о тебе.

Его слова были правильными, обволакивающими, как шёлк. Но в его глазах я читала совсем другое. Азарт охотника, выследившего уникальную добычу. Он предложил мне руку. Драгоценности на его пальцах мерцали в свете трёх солнц.

— Позволь мне проводить тебя, Ярославна.

Я колебалась, бросив взгляд на Лиара. Он стоял не двигаясь, сжав кулаки, и смотрел куда-то вдаль, в лес, который

был его настоящим домом. Его крылья были плотно прижаты к спине. Иртис заметил мой взгляд. Его улыбка стала шире, острее.

— Не беспокойся о капитане. Он выполнил свою роль. Прекрасно.

В этих словах прозвучала лёгкая, уничижительная нотка, и что-то во мне возмутилось. Лиар спас меня. Он был ко мне добр. А этот... этот король с глазами дракона обращался с ним как с слугой.

Но я была слишком слаба, слишком напугана, чтобы сопротивляться. Я положила свои пальцы на его ладонь. Его хватка была твёрдой, уверенной, не оставляющей сомнений в том, кто здесь главный.

Он повёл меня к своему зверю — самому большому из грифонов. Существо фыркнуло. Иртис что-то тихо сказал ему, и зверь успокоился, склонив голову. Меня посадили в крытые носилки, которые несли два других животных. Я откинула занавеску и в последний раз выглянула наружу.

Лиар всё так же стоял перед своим домом, одинокий и гордый фигурой на фоне тёмного леса. Он смотрел мне вслед. И в его глазах, прежде чем я откинулась на подушки, я успела прочесть что-то похожее на досаду.

Носилки тронулись с места, покачиваясь. Я сжалась в комок на сиденье, прислушиваясь к топоту, к звону доспехов и к низкому, бархатному голосу короля, который что-то говорил своим воинам, смеясь.

Я закрыла глаза. Плащ Лиара всё ещё пах лесом. Но этот запах уже перебивался другим — сладким, опасным, дурманящим. Запахом дракона. И от него было не скрыться.

Глава 5

Лиар

Я остался стоять перед хижиной, пока последний из королевских грифонов не скрылся за верхушками деревьев. Пока звон доспехов и топот копыт не растворились в привычном шуме леса. Пока от её тонкого, цветочного запаха не осталось и следа, вытесненного едким смрадом драконьей свиты — запахом магического озона, горячей стали и грифоновского пота, который, казалось, навсегда въелся в стены моего временного пристанища. Только тогда, когда тишина стала абсолютной, а тело застыло в мучительном оцепенении, я позволил себе пошевелиться. Это было похоже на пробуждение после тяжёлого удара по голове: мир медленно возвращался, принося с собой лишь осознание потери.

Первый удар кулаком пришёлся в косяк двери. Я не думал, не рассчитывал силу — просто вложил в движение всю ярость, всё отчаяние, всю бессильную злость, что клекотала во мне. Дерево, столетиями выдерживавшее штормы и морозы, с глухим, влажным треском поддалось, и острая заноза вонзилась мне в сустав. Вторая — в стену, сложенную из серого песчаника. Камень не уступил, но осыпался под моими костяшками, окропляя окровавленную, содранную кожу едкой белой пылью. Боль, острая и чистая, была желанным лекарством от той адской, разъедающей душевной боли. Я бил

снова и снова, пока мышцы предплечий не свело судорогой, пока боль в распухших руках не перекрыла жжение в груди, пока из горла не вырвался низкий, звериный стон. Пока не остался стоять, тяжело дыша, опираясь горящим лбом о холодный, неровный камень стены, чувствуя, как кровь с пальцев капает на мох у порога. Он забрал её. Просто пришёл и забрал, как берут вещь с полки. С той же безразличной, абсолютной уверенностью.

Слова, которые я не смог сказать ей, застряли у меня в горле колючим комом, и теперь я давился ими. «Не верь ему. Он — дракон в человеческом обличье. Он лжёт так же легко, как дышит, и его обещания — лишь красивая обёртка для его воли. Он не знает, что такое нежность. Он знает лишь обладание». Но что я мог предложить взамен этими жалкими словами? Тёмную, пропахшую дымом и кожей хижину лесника, которую я занял на время патруля? Походную похлёбку из того, что удастся поймать? Жизнь в постоянной тени, в вечном беге от его гнева, который обратит в пепел целые леса, лишь чтобы найти нас? Я — капитан королевской стражи. Страж. Хранитель. Не рыцарь из романсов, спасающий принцессу на белом коне. Моё предназначение, моя клятва — служить, а не желать. Защищать, а не обладать. И я нарушил эту клятву в самом её сердце, позволив чувствам встать между мной и долгом. Или между долгом и моим истинным «я»? Я уже не знал.

А она... Она смотрела на него, на Иртыса, с тем же заво-

рождённым ужасом, что и на меня в первые мгновения, когда я нашёл её в огненной яме пустоши. Но если мой вид — крылатого, чуждого ей существа — вызвал в ней инстинктивный страх, то вид Короля-Дракона вызвал нечто иное. Ужас перед его могуществом таял у неё на глазах, как иней на солнце, уступая место острому, живому любопытству. А потом... потом, когда он протянул ей руку, как повелитель, я увидел в глубине её тёмных, неземных глаз нечто иное. Что-то похожее на покорность. На молчаливое признание его власти, его права. И это ранило больше, чем любой клинок.

Я оттолкнулся от стены, с силой выдохнув. Войдя внутрь, я замер. Хижина была пуста. Не просто необитаема — опустошена. Её присутствие, такое яркое и тёплое, заполнявшее каждый уголок, испарилось, оставив после себя зияющую, мёртвую пустоту. Даже огонь в очаге, который я поддерживал для неё, потух, оставив лишь горстку холодного пепла. Словно сама жизнь отсюда ушла вместе с ней. Я машинально подбросил хворосту, чиркнул огнём, но пламя, что вспыхнуло, было каким-то чужим, обыденным. Оно не грело. Я подошёл к тому месту у стены, где она лежала, укутанная в мои плащи, и опустился на колени, будто перед алтарём. Прикасаясь ладонью к грубому деревянному полу, я искал след. Он был холодным, безжизненным.

Лишь где-то на грани восприятия, глубоко в подсознании, улавливался слабый, призрачный отзвук её тепла — эхо, которое вот-вот должно было раствориться навсегда.

Мои крылья, обычно такие лёгкие, сильные и послушные, продолжение моего тела, сейчас лежали за спиной тяжёлыми, неудобными гирями, будто их налили свинцом. Каждое перо отзывалось тупой болью. Я расправил их с усилием, чувствуя, как мышцы спины протестуют, как перья взъерошиваются от внутреннего напряжения, не находя выхода. Мне нужно было двигаться. Лететь. Делать что угодно, лишь бы заглушить этот немой, раздирающий вой отчаяния, что бушевал у меня внутри, грозя разорвать грудную клетку.

Я вылетел из хижины, не оглядываясь, не думая, и ринулся в небо, в нависающую свинцовую пелену облаков. Ветер, обычно приносящий мне чувство абсолютной свободы, чистоты, сейчас лишь хлестал по лицу ледяными потоками, свистя в ушах насмешливые, бессмысленные песни. Я летел куда глаза глядят, не разбирая пути, не следя за ориентирами, продираясь сквозь ключья тумана и низкие облака, словно хотел физически улететь от самого себя, от этой боли, от этих мыслей. Но куда я денусь? Весь этот мир, от ледяных пиков до южных морей, — его. Эстария — это Ирчис. Его воля, высеченная в законах и прошитая страхом, — закон. Его желание, даже самое мимолётное, — приказ для тысяч. Я был всего лишь частью этой системы, одним из её винтиков. И винтик не может желать того, что принадлежит механизму в целом.

Я видел, как он на неё смотрел в те короткие, напряжённые минуты в хижине. Это был не просто интерес к диговин-

ке, к артефакту. Это был другой голод. Древний, первобытный, инстинктивный голод дракона, учуявшего своё самое главное сокровище. В его глазах, обычно холодных, вспыхнул тот самый огонь, который он так тщательно скрывал под маской скупающего монарха. И я знал — он никогда, никогда не отпустит то, что раз признает своим. Его собственничество было абсолютным и беспощадным. Она стала для него не человеком, а вещью, явлением, которое должно принадлежать только короне. Точнее, только ему.

Мои мысли неслись быстрее, чем я летел, пронзая время и пространство, возвращаясь вспять. Картины сменяли одна другую с жестокой чёткостью. Как она открыла глаза после долгого забытья — тёмные, глубокие, как озёра в безлунную ночь, полные немого вопроса и доверия ко мне, первому, кого она увидела. Как её тонкие, изящные пальцы сжали мою руку, когда она пыталась подняться, и в их прикосновении была хрупкая сила. Как она произнесла моё имя — «Лиар» — своим странным, певучим акцентом, которого я никогда не слышал ни в одном уголке Эстарии, и это звучало как магическое заклинание, навсегда связавшее меня с ней. А потом — резкий контраст. Как она, всё ещё слабая, но уже подчиняясь какому-то внутреннему импульсу или внешнему давлению его воли, положила свою маленькую руку в его большую, властную ладонь. Как позволила ему вести себя к чудовищному белому грифону, даже не оглянувшись. Этот образ жёг мою душу.

Слепая ярость снова накатила на меня, горячей волной, затмевая разум. Я издал низкий, горловой крик, который тут же был бесследно унесён и разорван ветром, и спикировал вниз, к зеркальной, тёмной глади горного озера, что лежало внизу, как осколок ночного неба. Я летел так низко, так бешено, что кончики моих крыльев касались ледяной воды, оставляя за собой длинные, рваные, пенящиеся борозды, нарушающие спокойствие поверхности.

Я должен был забыть её. Вычеркнуть из памяти, как вычёркивают ошибочную строку в отчёте. Заставить сердце остыть и снова стать просто куском плоти, бьющимся в такт долгу. Она теперь в золотой клетке самого прекрасного и страшного дворца в мире, новая игрушка скучающего короля. А я... я всего лишь страж у ворот этой клетки. Мне будет приказано охранять её от внешних угроз. И, конечно, от самой себя. Мне прикажут не смотреть слишком пристально. Не желать. Забыть. И я должен буду повиноваться. Потому что иначе... иначе я потеряю всё. А потеряв всё, я уже точно ничем не смогу ей помочь.

С горьким, ясным осознанием этой истины я снова набрал высоту, развернулся и направился к огням столицы. Но с каждым мощным, размеренным взмахом крыльев я чувствовал, как внутри меня, в самой глубине, где тлели остатки ярости и боли, растёт и кристаллизуется нечто иное. Тёмное. Холодное. Твёрдое, как алмаз, рождённый под невероятным давлением. Он забрал её. Забрал просто, потому что

мог. Потому что он король, а короли берут то, что хотят. Но он не знал её. Не сидел у её изголовья, вслушиваясь в прерывистое дыхание. Не чувствовал, как в её хрупком, почти невесомом теле билось сердце, способное, я был в этом уверен, на огромную, всепоглощающую любовь и нежность. Он думал, что приручит её, как приручают диких птиц. Что купит её восхищение дорогими платьями, драгоценностями и сладкими, ядовитыми речами. Но драконы, даже самые мудрые, понимают только язык силы, власти и обладания. Они не понимают чувств. Для них чувства — слабость. И он, Ир-тис, в своей слепой уверенности в собственном превосходстве, совершит ошибку. Он посчитает её покорной, купленной, безопасной. Он недооценит её. Или переоценит свою власть над тем, что не может быть по-настоящему покорено.

Я приземлился легко и бесшумно на знакомом каменном парапете своей казармы, расположенной на самом краю дворцовой территории, у внутренней стены. Отсюда, с этой высоты, открывался чёткий вид на королевские покои в Западном крыле, на тот самый балкон, что выходил в приватный сад. Огни там уже были зажжены, проливая в наступающие сумерки тёплый, золотистый свет, такой манящий и такой лживый. Я стоял, не двигаясь, чувствуя, как холодный камень под ногами и вечерний ветерок остужают моё разгорячённое тело, но не мысли. План не родился в тот же миг. Это была лишь твёрдая, непоколебимая решимость, семя, упавшее в благодатную почву ярости и отчаяния.

Я буду охранять. Исполню свой долг безупречно, как машина. Я буду смотреть. Видеть всё, что происходит за стенами её новой клетки, улавливать каждую тень на её лице, каждую ноту в её голосе. Я буду ждать. С терпением охотника, залегшего у тропы. И когда он, уверенный в своей абсолютной победе, насытившийся новым приобретением, совершит ту самую ошибку — а он её совершит, ибо его властность и высокомерие не знают границ, они в его природе... я буду там. Не как стража. Не как слуга. А как друг. И в тот миг, когда его внимание дрогнет, я заберу своё. Нет. Я верну её. Себе. Или, может быть, просто ей самой. Её свободе. Даже если эта свобода будет означать бегство на край света. Даже если за это придётся заплатить собственной жизнью или вечным проклятием.

В груди, где ещё недавно был хаос, теперь царила тишина. Решение было принято. Моей целью был сам Король-Дракон, а ставкой — душа, которую он у меня украл. Я медленно разжал кулаки и в ещё раз посмотрел на светящиеся окна Западного крыла, прежде чем спуститься в казарму. С этого момента капитан Лиар должен был стать прозрачным, невидимым. И бесконечно терпеливым.

Глава 7

Ярославна

Дворец поглотил меня. Он был прекрасным. Но мои дни превратились в череду примерок, уроков этикета, бесконечных представлений придворным, чьи улыбки были острее отточенных кинжалов. Меня называли «жемчужиной короля», «иномирянкой», «будущей королевой». И шёпотом, за моей спиной, — «дикаркой», «наложницей», «причудой дракона».

Иртис был... навязчивым. Его внимание было тяжёлым, как парча на моих плечах. Он осыпал меня подарками: платья, что весили как цепи, драгоценности, холодные на ощупь. Его прикосновения, всегда властные, всегда обжигающие, стали привычными. Он внушал мне, что я особенная, что я выбрана. И часть моего запутанного, одинокого сердца жаждала верить ему. Быть кем-то. После того как меня предали и выбросили, как мусор, быть сокровищем казалось спасением.

Но по ночам, когда во дворце воцарялась тишина, я вспоминала запах леса и грубый плащ из волчьего меха. Вспоминала янтарные глаза, в которых читалась не жадность, а... понимание.

Сегодня Иртис объявил о нашем официальном обручении. Бал в честь этого события был пиром вампиров — все

улыбались, но я чувствовала голод в их взглядах. Я стояла рядом с тронном в очередном невероятном платье, цвета кровавого рубина, и улыбалась до боли в скулах. Рука Иртыса лежала на моей талии — тяжёлая, собственническая.

Я поймала на себе взгляд одной из придворных дам — леди Селин, как кто-то её назвал. Она была ослепительно красива и холодна, как ледяная скульптура. И её глаза, цвета зимнего неба, метали в меня откровенные яды. Зависть. Ненависть. Она что-то тихо сказала своей соседке, и та сдержанно хихикнула, прикрыв рот веером. У меня закружилась голова. Воздух в тронном зале стал спёртым, густым от духов, интриг и притворства.

— Мне нужно воздуха, — прошептала я Иртысу.

Он снисходительно улыбнулся, как ребёнку, и кивнул.

— Не задерживайся, моя жемчужина. Ты нужна здесь, чтобы сиять.

Я вышла на пустынный балкон, оперлась о холодный парапет и жадно вдохнула ночной воздух. Здесь пахло иначе — далёкими горами, цветами из королевских садов. Здесь я могла дышать.

Шаги послышались сзади тихо, но я их уловила. Я обернулась, ожидая увидеть слугу или одну из фрейлин. Это был Лиар. Он стоял в тени задрапированного бархатом проёма, не входя на свет. Он был в полной парадной форме капитана стражи — тёмный мундир, серебряные аксельбанты. Его белые крылья были плотно прижаты к спине. И его лицо... оно

было бы каменным, если бы не глаза. В них бушевала буря.

— Капитан, — выдохнула я, невольно сделав шаг назад. Его появление здесь, сейчас, было таким неожиданным, таким... неправильным.

— Ярославна, — он произнёс моё имя еле слышно. — Вы должны вернуться внутрь. Сейчас.

— Почему? — в моём голосе прозвучал надрыв. — Чтобы снова улыбаться тем, кто желает мне провалиться сквозь землю?

— Чтобы быть в безопасности, — его голос стал жёстким. Он бросил быстрый взгляд через плечо в освещённый зал. — Здесь, наедине, вы уязвимы.

— Я уязвима везде, капитан, — горькая правда сорвалась с моих губ. — Красивая игрушка для вашего короля.

Он сделал шаг вперёд, выходя из тени. Лунный свет упал на его лицо.

— Вы не игрушка, — он сказал это с убеждённостью. — Вы... — он запнулся, борясь с собой. — Вы должны быть осторожны. Не все рады вашему восхождению.

Внезапно его взгляд обострился. Он взмахнул рукой — молниеносно, как атакующая змея. Что-то блеснуло в воздухе перед самым моим лицом и с лёгким щёлком впилося в деревянную раму балконной двери сзади меня. Я ахнула, отпрянув. В раме торчала крошечный, изящный дротик с пером темно-синего цвета на конце.

Лиар был уже рядом. Одной рукой он оттолкнул меня за

себя, спиной прикрыв от пустого сада, другой — обнажил меч. Его крылья распахнулись, создавая вокруг нас живой щит.

— Назад! В зал! — его команда не допускала возражений.

Я, парализованная страхом, не двигалась. Он резко развернулся, схватил меня за руку и буквально втянул обратно в свет и шум бального зала. Его пальцы сжали моё запястье так крепко, что было больно. Иртис, заметив наше стремительное возвращение и обнажённый меч своего капитана, нахмурился. Музыка смолкла.

— Лиар? В чем дело? — его голос прозвучал спокойно, но в глубине золотых глаз вспыхнули опасные искры.

Лиар отпустил мою руку и, не опуская меча, склонил голову.

— Покушение, ваше величество. Со стороны садов. Отравленный дротик. Цель — невеста.

В зале пронёсся испуганный вздох. Иртис поднялся с трона. Его лицо было грозным. Он подошёл ко мне, отстранил Лиара жестом и притянул меня к себе.

— Всё хорошо, моя жемчужина. Ты в безопасности, — он смотрел на меня, но слова были обращены к Лиару. — Найди того, кто это сделал. Приведи его ко мне. Живым или мёртвым — не имеет значения.

— Как прикажете, — голос Лиара был абсолютно плоским, но его взгляд, брошенный на меня поверх плеча короля, был совсем иным. Горящим. Яростным.

Иртис повёл меня прочь, осыпая заботливыми словами, но я почти не слышала его. Вся я дрожала. Не от страха перед дротиком. А от того, что произошло потом. В тот миг, когда Лиар рванул меня за собой, прижимая к своей груди, закрывая меня своим телом и крыльями... в тот миг я почувствовала вспышку. Дикую, первобытную, всепоглощающую вспышку чего-то настоящего. Его рука на моей талии, его дыхание у моего виска, его ярость — не холодная и расчетливая, как у Иртиса, а горячая, живая, защищающая меня, а не свою собственность.

Я оглянулась на пороге зала. Лиар стоял на балконе, один на один с тёмным садом, его силуэт чётко вырисовывался на фоне лунного света. Он смотрел не в сад. Он смотрел на меня. И в его взгляде не было ни долга, ни службы. Там была та же вспышка. И что-то ещё. Что-то, от чего у меня перехватило дыхание и по спине побежали мурашки.

Затем его скрыла толпа придворных. Но ощущение его руки на моей коже, жгучее и настоящее, осталось со мной. Оно было ярче всех драгоценностей и слаще всех королевских обещаний. И я поняла, что попала из одного огня — в другой. Только этот горел не снаружи, а внутри. И тушил его было уже поздно.

Ярославна

Дворец поглотил меня. Он был прекрасным. Но мои дни превратились в череду примерок, уроков этикета, бесконечных представлений придворным, чьи улыбки были ост-

рее отточенных кинжалов. Меня называли «жемчужиной короля», «иномирянкой», «будущей королевой». И шёпотом, за моей спиной, — «дикаркой», «наложницей», «причудой дракона».

Иртис был... навязчивым. Его внимание было тяжёлым, как парча на моих плечах. Он осыпал меня подарками: платья, что весили как цепи, драгоценности, холодные на ощупь. Его прикосновения, всегда властные, всегда обжигающие, стали привычными. Он внушал мне, что я особенная, что я выбрана. И часть моего запутанного, одинокого сердца жаждала верить ему. Быть кем-то. После того как меня предали и выбросили, как мусор, быть сокровищем казалось спасением.

Но по ночам, когда во дворце воцарялась тишина, я вспоминала запах леса и грубый плащ из волчьего меха. Вспоминала янтарные глаза, в которых читалась не жадность, а... понимание.

Сегодня Иртис объявил о нашем официальном обручении. Бал в честь этого события был пиром вампиров — все улыбались, но я чувствовала голод в их взглядах. Я стояла рядом с тронном в очередном невероятном платье, цвета кровавого рубина, и улыбалась до боли в скулах. Рука Иртиса лежала на моей талии — тяжёлая, собственническая.

Я поймала на себе взгляд одной из придворных дам — леди Селин, как кто-то её назвал. Она была ослепительно красива и холодна, как ледяная скульптура. И её глаза, цве-

та зимнего неба, металы в меня откровенные яды. Зависть. Ненависть. Она что-то тихо сказала своей соседке, и та сдержанно хихикнула, прикрыв рот веером. У меня закружилась голова. Воздух в тронном зале стал спёртым, густым от духов, интриг и притворства.

— Мне нужно воздуха, — прошептала я Иртису.

Он снисходительно улыбнулся, как ребёнку, и кивнул.

— Не задерживайся, моя жемчужина. Ты нужна здесь, чтобы сиять.

Я вышла на пустынный балкон, оперлась о холодный парапет и жадно вдохнула ночной воздух. Здесь пахло иначе — далёкими горами, цветами из королевских садов. Здесь я могла дышать.

Шаги слышались сзади тихо, но я их уловила. Я обернулась, ожидая увидеть слугу или одну из фрейлин. Это был Лиар. Он стоял в тени задрапированного бархатом проёма, не входя на свет. Он был в полной парадной форме капитана стражи — тёмный мундир, серебряные аксельбанты. Его белые крылья были плотно прижаты к спине. И его лицо... оно было бы каменным, если бы не глаза. В них бушевала буря.

— Капитан, — выдохнула я, невольно сделав шаг назад. Его появление здесь, сейчас, было таким неожиданным, таким... неправильным.

— Ярославна, — он произнёс моё имя еле слышно. — Вы должны вернуться внутрь. Сейчас.

— Почему? — в моём голосе прозвучал надрыв. — Что-

бы снова улыбаться тем, кто желает мне провалиться сквозь землю?

— Чтобы быть в безопасности, — его голос стал жёстким. Он бросил быстрый взгляд через плечо в освещённый зал. — Здесь, наедине, вы уязвимы.

— Я уязвима везде, капитан, — горькая правда сорвалась с моих губ. — Красивая игрушка для вашего короля.

Он сделал шаг вперёд, выходя из тени. Лунный свет упал на его лицо.

— Вы не игрушка, — он сказал это с убеждённостью. — Вы... — он запнулся, борясь с собой. — Вы должны быть осторожны. Не все рады вашему восхождению.

Внезапно его взгляд обострился. Он взмахнул рукой — молниеносно, как атакующая змея. Что-то блеснуло в воздухе перед самым моим лицом и с лёгким щёлком впилося в деревянную раму балконной двери сзади меня. Я ахнула, отпрянув. В раме торчала крошечный, изящный дротик с пером темно-синего цвета на конце.

Лиар был уже рядом. Одной рукой он оттолкнул меня за себя, спиной прикрыв от пустого сада, другой — обнажил меч. Его крылья распахнулись, создавая вокруг нас живой щит.

— Назад! В зал! — его команда не допускала возражений.

Я, парализованная страхом, не двигалась. Он резко развернулся, схватил меня за руку и буквально втянул обратно в свет и шум бального зала. Его пальцы сжали моё запястье

так крепко, что было больно. Иртис, заметив наше стремительное возвращение и обнажённый меч своего капитана, нахмурился. Музыка смолкла.

— Лиар? В чем дело? — его голос прозвучал спокойно, но в глубине золотых глаз вспыхнули опасные искры.

Лиар отпустил мою руку и, не опуская меча, склонил голову.

— Покушение, ваше величество. Со стороны садов. Отравленный дротик. Цель — невеста.

В зале пронёсся испуганный вздох. Иртис поднялся с трона. Его лицо было грозным. Он подошёл ко мне, отстранил Лиара жестом и притянул меня к себе.

— Всё хорошо, моя жемчужина. Ты в безопасности, — он смотрел на меня, но слова были обращены к Лиару. — Найди того, кто это сделал. Приведи его ко мне. Живым или мёртвым — не имеет значения.

— Как прикажете, — голос Лиара был абсолютно плоским, но его взгляд, брошенный на меня поверх плеча короля, был совсем иным. Горящим. Яростным.

Иртис повёл меня прочь, осыпая заботливыми словами, но я почти не слышала его. Вся я дрожала. Не от страха перед дротиком. А от того, что произошло потом. В тот миг, когда Лиар рванул меня за собой, прижимая к своей груди, закрывая меня своим телом и крыльями... в тот миг я почувствовала вспышку. Дикую, первобытную, всепоглощающую вспышку чего-то настоящего. Его рука на моей талии,

его дыхание у моего виска, его ярость — не холодная и расчетливая, как у Иртыса, а горячая, живая, защищающая меня, а не свою собственность.

Я оглянулась на пороге зала. Лиар стоял на балконе, один на один с тёмным садом, его силуэт чётко вырисовывался на фоне лунного света. Он смотрел не в сад. Он смотрел на меня. И в его взгляде не было ни долга, ни службы. Там была та же вспышка. И что-то ещё. Что-то, от чего у меня перехватило дыхание и по спине побежали мурашки.

Затем его скрыла толпа придворных. Но ощущение его руки на моей коже, жгучее и настоящее, осталось со мной. Оно было ярче всех драгоценностей и слаще всех королевских обещаний. И я поняла, что попала из одного огня — в другой. Только этот горел не снаружи, а внутри. И тушил его было уже поздно.

Глава 8

Лиар

Адреналин ещё пылал в моих жилах, смешиваясь с холодной, методичной яростью, которая уже начала кристаллизоваться в чёткий, острый план. Тот самый дротик, что мог бы оборвать её жизнь, что вонзился бы в её тонкую шею или спину, если бы я не сбил его броском, лежал у меня на ладони, завёрнутый в мягкую, поношенную кожу. Я развернул свёрток, и холодное острие блеснуло в лунном свете. Крошечный, изящный, смертельный. Перо было тёмно-синим, почти чёрным — цвет траура по несбывшимся амбициям, цвет ночи, в которую так удобно прятать предательство. Металлический наконечник был не простой иглой, а сложным изделием с канавками для яда, но яд уже высох, испарился, оставив лишь едва заметный бурый налёт. Я понюхал. Горький миндаль и полынь. Сонный колокольчик, смешанный с соком чёрной аконитовой ягоды. Яд не мгновенный, но верный. Жертва уснула бы навсегда через несколько минут, без судорог, без шума. Тихая, изящная смерть для нежеланной гостыи.

Я стоял на том самом балконе, где несколько минут назад её дыхание, тёплое и прерывистое от страха и неожиданности, смешивалось с моим, а её тело прижималось к моей груди в инстинктивном поиске защиты. Где в мою кровь, уже

готовую к бою, ударил чистый, животный, неконтролируемый ужас — не за невесту короля, а за неё. За Ярославну. Это имя, которое она шепнула мне на ухо в ту первую ночь в хижине, когда доверие только рождалось, стало теперь моим личным талисманом, моей молитвой и проклятием одновременно. В тот миг, когда увидел блеск в воздухе, времени на раздумья не было. Было лишь действие, выверенное годами тренировок, и слепая, всепоглощающая потребность укрыть её от любой угрозы.

Я закрыл глаза, позволив памяти, обострённой адреналином, воспроизвести всё до мельчайших деталей. Шёпот ночного ветра в листьях экзотических деревьев, привезённых из южных колоний и высаженных внизу, в приватном саду. Неровные, пляшущие отблески далёких факелов на отполированном мраморе парапета и пола. И едва уловимый, призрачный звук, который я уловил уже постфактум, — лёгкий, почти музыкальный свист разрезаемого воздуха, исходящий не сверху, не с крыши, а оттуда, с ветвей древнего, могучего дуба, что рос на самой границе сада и тенистой, редко посещаемой аллеи для прогулок. Моё сердце заколотилось чаще, но уже не от страха, а от понимания. Это было слишком изощрённо для простого убийцы, нанятого за деньги. Слишком... стильно, вычурно, с налётом театральности. Это пахло холодным расчётом будуаров. Пахло дворцом. Пахло интригой, выросшей в этой самой ядовитой почве.

Я не стал вызывать стражу громкими криками. Не стал

поднимать шум, который спугнул бы всех крыс в их норах. Я просто шагнул с парапета в пустоту, расправил крылья, поймал восходящий поток тёплого воздуха от прогретых за день камней и бесшумно, как призрак, как тень от проплывающей тучи, спланировал вниз, к подножию дуба. Земля под ним была утрамбованной многими годами, покрыта слоем прошлогодней листвы и мха. Но на одном из участков, скрытом выпирающими, узловатыми корнями, в лунном свете я заметил едва заметный, но чёткий след — отпечаток узкого, изящного каблука, не подошвы солдатского сапога. Туфельки. Придворной дамы или камеристки, но явно не того, кто должен был патрулировать сад ночью. И ещё одно. Едва уловимый, сладковато-горький, пряный аромат, застрявший в неподвижном воздухе между корней. Знакомый. Раздражающе, до тошноты знакомый. Ночная фиалка, смешанная с белой акацией и едва уловимыми нотами мимозы. Духи, которые могла позволить себе только одна женщина во всём дворце, ибо их рецепт, их стойкость и шлейф были уникальны. Духи, которые она, тщеславная как павлин, заказывала лично у придворных алхимиков, тратя на флакончик сумму, равную годовому жалованью капитана стражи. Селин.

Во рту у меня стало горько, как от желчи, и эта горечь поднялась к самому горлу. Бывшая фаворитка. Женщина, которая блистала при дворе два года и считала, что место рядом с Ирτισом, пусть даже без титула королевы, уже принадлежит ей по праву красоты и хитроумия. Красивая, ядовитая

змея в платьях из шёлка, умеющая прятать жало за улыбкой и яд — за комплиментами. Я видел, как она смотрела на Яро-славну на балу. Взгляд был ледяным, оценивающим, полным ненависти, замаскированной под любопытство. Я тогда от-вёл взгляд, посчитав это обычной женской ревностью. Как я ошибался. Для таких, как Селин, ревность — не чувство, а повод для действий.

Я сжал дротик в кулаке. Они посмели тронуть её. Прямо под моим носом. В месте, которое я поклялся держать под контролем. Это был не просто вызов. Это было объявление войны. Личное оскорбление, нанесённое не только ей, но и мне, как её защитнику. И за этим оскорблением стояло имя.

Я поднялся в воздух и полетел к себе, в свои аскетичные покои в казарме стражи. Мне нужны были не просто подозрения. Мне нужны были доказательства. Непоколебимые. Железные. Одних улик, найденных у дуба, было мало против той, кто умела вить верёвки из придворных интриг и чьи-ми постельными услугами, как я знал, пользовались некоторые из судей. Запах духов? Случайность. След? Прогулка горничной. Дротик? Подброшенная улика. Нет, нужно было больше.

Войдя в свою комнату, я запер дверь на тяжёлый желез-ный засов и подошёл к закопчённому камину, который прак-тически никогда не топился. Мои пальцы, знающие каждую неровность этой стены, нашли почти невидимую щель меж-ду двумя камнями чуть левее очага. Слабый, едва слышный

щелчок — и один из камней, идеально подогнанный, отъехал в сторону, открывая потайную нишу, выдолбленную в толще стены. То, что я собирал годами, зная, что в этом змеином гнезде любая информация — оружие, а знание — единственная настоящая броня. Я не был шпионом по призыванию, я был солдатом. Но чтобы выжить и эффективно служить, мне пришлось стать архивариусом чужих грехов. Я достал несколько небольших, аккуратных свёртков из вощёного полотна. Не весь архив, лишь часть. Отчёты о подозрительных передвижениях разных персон. Копии некоторых счетов, проходивших через казначея и показавшихся мне странными. Записки, перехваченные моими немногими, но верными людьми в нужных местах. Я искал одно имя. Селин. Не как фаворитку, а как политическую фигуру, как центр паутины.

И я нашёл. Непроверенные, но упорные слухи о её слишком тесных связях с гильдией алхимиков, особенно с теми, кто специализировался не на эликсирах молодости, а на редких, трудно обнаружимых ядах. Квитанцию на крупную, ничем не обоснованную сумму, ушедшую в карман одному из лейтенантов садовой стражи — как раз за неделю до объявления о бале в честь невесты. И самое интересное — короткое, скупое донесение от одного из моих «ушей» о том, что личная служанка Селин, девушка по имени Мира, тайком, под покровом темноты, посещала того самого лейтенанта в его казарме в ночь перед покушением. Совпадение? Возмож-

но. Но в деле покушения на королевскую невесту совпадений не бывает.

Селин была умна и осторожна. Она не наняла убийцу со стороны, которого могли схватить и под пытками заставить заговорить. Она действовала через подкуп, через цепочку посредников, прикрываясь несколькими слоями лжи и чужих обязательств. Она использовала ресурсы, которые уже были в её распоряжении: тщеславие офицера, его долги, его страх разоблачения. Но она допустила одну ошибку. Один крошечный, но фатальный просчёт. Она использовала тот самый дротик. Стильный, уникальный, с фирменным тёмно-синим пером, которое могло быть опознано. Оружие не просто для убийства, а для устрашения, для послания. Она не просто хотела убрать соперницу. Она хотела напомнить о себе. Показать свою силу, влияние, безнаказанность.

Что она может достать жертву даже здесь, под защитой короля и его лучшего капитана. Или... может быть, это было послание самому Иртису? Смотри, кого ты предпочёл мне. Смотри, как легко я могу отнять твою новую, блестящую игрушку. Жестокая месть отвергнутой женщины, облечённая в форму политического убийства.

Я сидел на краю своей жёсткой, узкой кровати, держа в руках злополучный дротик, перекатывая его между пальцев. В тусклом свете единственной масляной лампы я видел не просто оружие, а весь её изощрённый, гнилой план. Селин не просто хотела вернуть любовь короля — её тщеславие и

жажда власти были ранены куда сильнее, чем сердце. Она хотела вернуть себе статус первой леди двора, пусть и неофициальной. Хотела, чтобы её снова боялись, снова заискивали перед ней. А Ярославна, с её неземной красотой и таинственным происхождением, была всего лишь препятствием на её пути к этому. Песчинкой, которую нужно было стряхнуть.

Я мог пойти к Иртису прямо сейчас. Разбудить его, положить ему на ночной стол этот дротик и все собранные улики. Он бы взбесился. Его драконья гордость была бы задета в самом уязвимом месте — в его праве владеть тем, что он считал своим. Селин, скорее всего, сослал бы в дальний монастырь, а то и казнили бы тайком, чтобы избежать скандала. Но я не двинулся с места. Потому что я видел и другой, вполне вероятный исход. Иртис, с его цинизмом и склонностью видеть игру во всём, мог найти всю эту историю... забавной. Доказательства были косвенными. Никто не видел, как Селин стреляла. Служанка могла отрицать всё. Лейтенант — свалить вину на кого-то другого или покончить с собой. Селин — искусной лгуньей, со слезами на глазах могла бы всё отрицать, обратить всё в шутку, в досадное недоразумение, в женские интриги, на которые великий король не должен обращать внимания. А я... я оказался бы в положении капитана, который не только не может обеспечить безопасность, но и занимается сбором сплетен против бывшей любовницы короля. Мою ярость, мою настойчивость могли счесть... личной заинтересованностью. И тогда тень пала бы

не только на мою профессиональную репутацию, но и на те самые чувства, которые я так тщательно скрывал.

И тогда меня отстранили бы. Отстранили от её охраны. Поставили кого-то другого — исполнительного, холодного, не замечающего тонкого запаха ночной фиалки в саду. Кто-то, кто не станет смотреть на каждую тень, кто не почувствует запах яда в сладких духах, кто не заметит странный блеск в глазах служанки. Нет. Этого я допустить не мог. Я не отдам её снова. Не им. Не ему. И уж тем более не на съедение этой ядовитой придворной гигиене.

Я аккуратно, с почти религиозной тщательностью, завернул дротик и все бумаги обратно в кусок мягкой кожи и спрятал их в нишу. Камень встал на место беззвучно, слившись со стеной. Пусть все думают, что расследование зашло в тупик, что убийца скрылся, а дротик утерян. Пусть Селин считает себя в безопасности, что её план был идеален и лишь слепая случайность помешала ему. Пусть её тщеславие растёт, а осторожность притупляется. Пусть Ирчис продолжает свой сладкий, поверхностный роман с новой невестой, уверенный в прочности своих стен. А я буду ждать. Я буду наблюдать. И я буду охранять её не от абстрактных врагов или внешних угроз, а от одной конкретной, ядовитой, высокопоставленной змеи, которая уже показала свои клыки.

Я вышел из своих покоев, заперев дверь, и бесшумно направился по затемнённым переходам обратно к Западному крылу. К её окнам, выходящим в тот самый сад. Мне нуж-

но было увидеть свет за ними, узкую полоску под шторами. Убедиться, что она жива, что она дышит за этой стеной, что её сердце бьётся. Я знал, что это безумие. Самоубийство, если меня заметят. Но я также знал, что с того самого момента, как я поднял её с раскалённой, светящейся земли в северном лесу, что-то во мне, в самом фундаменте моей личности, сломалось и перестроилось заново. Теперь долг и желание сплелись в один тугой, неразрывный узел.

Она была его невестой по обстоятельствам. Но моей — по зову крови, по выбору души, по праву того, кто нашёл её первым и чьё сердце признало её своей. И ради этого признания, ради этого запретного чувства, я был готов на всё. Даже на молчание. Даже на то, чтобы притвориться слепым и глухим. Пока не придёт мой час. Пока она сама не почувствует ту же связь, что чувствую я. Или пока я не устраню всех, кто стоит между нами. Начиная с той, чьи духи пахнут ночной фиалкой и предательством.

Глава 6

Иртис

Она сидела напротив меня в моих личных покоях, и весь дворец, всё королевство, весь мир наконец-то обрёл смысл. Я отвёл ей комнаты в Западном крыле, те, что выходят на сады огненных лилий. Приказал затопить купальню, наполнить её ароматными маслами и лепестками ксилоросов. Одел её в платья из струящегося иларийского шёлка, цвета утренней зари и лунной пыли. Она сияла в них, как жемчужина в раковине, всё ещё бледная, всё ещё испуганная, но уже не дикарка из леса. С каждым часом она хорошела, расцветала на моих глазах, и это зрелище было упоительнее любой битвы, любой победы.

Я наблюдал за ней за ужином. Она неуверенно пробовала приборы, робко откусывала изысканные яства, которые я приказал подать. Её глаза, тёмные и огромные, скользили по высоким сводам зала, по витражам, по слугам в ливреях. В них читался немой вопрос, потрясение, страх. Прелестно.

— Вам не по вкусу рагу из феникса, моя жемчужина? — я спросил, томно откинувшись в кресле и подпивая вино. Вино было старым, терпким, но его вкус мерк в сравнении с опьянением от её присутствия. Она вздрогнула, пойманная на неловкости.

— Нет... то есть да. Всё прекрасно. Просто... я не при-

выкла к такой еде.

Её голос был тихим, мелодичным. В нём звучали отголоски другого мира, другой жизни. Это сводило с ума.

— Привыкнешь, — я пообещал, и в моём голосе прозвучала та самая уверенность, что не терпит возражений. — Ты будешь иметь всё, чего только пожелаешь. Всё лучшее, что может предложить Эстария. Ты теперь под моей защитой.

Она опустила глаза, смущённая. Её пальцы теребили край скатерти. Такая беззащитная перед моим напором. И в то же время в ней чувствовалась стальная нить — упрямство, достоинство. Оно читалось в прямой спине, в том, как она заставила себя встретиться со мной взглядом. Она была не из тех, кто ломается легко. И это лишь разжигало мой аппетит.

Я поднялся из-за стола. Она инстинктивно отклонилась назад, но я лишь мягко взял её за руку и помог подняться.

— Пройдёмся. Покажу тебе сады. Ночью они особенно прекрасны.

Она позволила вести себя, её пальчики лежали на моей руке, лёгкие, как пух. Мы вышли на террасу. Воздух был тёплым, густым от ароматов ночных цветов. Три луны висели в сиреновом небе, отливая серебром и перламутром. В прудах плавали светящиеся рыбы, а в ветвях деревьев перекликались сладкоголосые звери.

Она замерла на пороге, замороженная. Её губы приоткрылись от изумления. И в этот миг она была так прекрасна, что у меня перехватило дыхание. Не просто красива. Истинная.

Та, чей зов я почувствовал сквозь миры. Та, что способна заполнить пустоту, глодавшую меня веками.

— Нравится? — я спросил тихо, стоя сзади и чувствуя, как её тело слегка дрожит.

— Это... сказочно, — она выдохнула.

— Это твоё, — прошептал я ей в волосы, вдыхая её чистый, незнакомый запах. — Всё это может быть твоим. Ты только должна захотеть.

Я повернул её к себе. Она попыталась отвести взгляд, но я мягко, но неумолимо прикоснулся к её подбородку, заставив поднять глаза. В её тёмной глубине плескались отражения лун, страха, любопытства... и чего-то ещё. Того самого зова, что тянул меня к ней.

— Ты не понимаешь, кто ты такая, Ярославна, — сказал я, и мой голос стал низким, обволакивающим, полным той магии, что заставляет трепетать сердца. — Ты не случайно здесь. Не случайно попала ко мне. Ты — дар. Ответ на мою... скуку.

Я видел, как по её коже пробежали мурашки. Как участился её пульс — я чувствовал его под своими пальцами.

— Я... я просто потерялась, — прошептала она, пытаясь отстраниться.

— Нет, — я не отпустил её. Наоборот, притянул ближе. Наши тела почти соприкоснулись. — Ты найдена. Мной.

И тогда я поцеловал её. Мои губы мягко, но настойчиво

скользнули по её, исследуя, вкушая, внушая чары моей воли. Она застыла, ошеломлённая, не отвечая, но и не сопротивляясь. Её губы были сладкими, как незнакомый плод. Я чувствовал, как бьётся её сердце — бешено, как у пойманной птицы.

Я отпустил её рот, позволил ей сделать вдох, но не отпустил саму. Мои руки скользнули по её плечам, спине, чувствуя под тонким шёлком каждый изгиб.

— Ты будешь моей королевой, — прошептал я, ведя её назад, в тень колоннады, подальше от любопытных глаз. — Ты будешь править рядом со мной. Ты будешь моим сокровищем.

Она молчала, её глаза были огромными, полными смутения и чего-то ещё... какого-то пробуждающегося ответного огня. Магия Эстории, моя магия, уже начинала работать на неё, опутывая её чарами этого места, моим чарами.

Я прижал её к прохладному мрамору колонны, и на этот раз мои губы были более требовательными. Я приоткрыл её рот, вкусил её глубже, и на этот раз она ответила. Сначала неуверенно, робко, а затем... затем в её ответе прорвалась страсть, которую она в себе подавляла.

Её руки поднялись и запутались в моих волосах. Тихий стон вырвался из её груди и был поглощён моим поцелуем. Я знал, что это лишь начало. Что её разум ещё сопротивляется, что её сердце ещё помнит того крылатого охранника, того простолюдина. Но её тело, её душа уже откликнулись на

меня. На мою силу. На мою власть. Я оторвался от поцелуя, и провёл пальцем по её разгорячённой щеке.

— Скоро, — пообещал я, и в этом слове был весь жар моей драконьей сути. — Скоро ты забудешь всё, что было до меня. В твоём мире останусь только я.

Я видел, как она содрогнулась от моих слов, но не отпрянула. Её глаза были затуманены, губы припухли от поцелуев. Я улыбнулся. Охотник, чувствующий, что добыча уже в капкане.

— А теперь иди отдыхать, моя жемчужина. Тебя ждёт твоя новая жизнь. Наше с тобой будущее.

Я проводил её до дверей покоев, оставил с горящим взглядом и смущённой улыбкой на лице.

Когда дверь закрылась за ней, я остался один в коридоре. Воздух всё ещё дрожал от её присутствия, от её запаха. Я поднёс пальцы к своим губам, всё ещё чувствуя её вкус. Пустота внутри, та самая, что глодала меня годами, на мгновение отступила. Заполнилась ею. Её страхом, её смятением, её пробуждающейся страстью. Лиар думал, что спас её. Дурак. Он лишь принёс её мне. На блюдечке с золотой каёмочкой.

Я повернулся и пошёл прочь по коридору, и тени кланялись мне в ноги. Завтра я начну официально представлять её ко двору. Завтра начнутся интриги, зависть, попытки оспорить мое решение. Пусть пытаются. Она уже почти моя. И это главное.

Глава 9

Иртис

Вино сегодня было с горьковатым привкусом. Я отставил золотой кубок, с раздражением наблюдая, как придворные кружатся в вальсе. Бал в честь победы над горными кланами был обязанностью, а не удовольствием. Их раболепные улыбки, их подбострастные взгляды - все это вызывало тошноту. Я правил ими, но они были скучны, как подошвы старых сапог.

Моя жемчужина, моя Ярославна, сияла сегодня особенно ярко. В платье цвета лунной пыли, с бриллиантами в волосах, она была воплощением невинности и моей власти. Но даже ее красота не могла развеять черную меланхолию, что сгущалась в моей груди. Она была прекрасной игрушкой, но игрушкой тихой, пугливой. В ее глазах все еще читалась тень того леса, того крылатого охранника. Это раздражало.

- Ваше величество, вы выглядите задумчивым, - рядом прозвучал голос, сладкий, как патока.

Я обернулся. Леди Селин. Она стояла, держа в руках два кубка с темно-рубиновым вином. Ее платье было таким же алым, как свежая кровь.

- Скука, моя дорогая Селин, - проворчал я, принимая из ее рук кубок. - Вечная спутница трона.

- О, я уверена, что даже скуку можно развеять, - она при-

губила из своего кубка, не сводя с меня глаз. Ее взгляд был вызывающим, полным намеков на старые игры, на ту страсть, что когда-то пылала между нами. Она была дикой, непредсказуемой. В отличие от моей робкой невесты.

Я хмыкнул и сделал большой глоток. Вино было пряным, обжигающим, с странным, дурманящим послевкусием. Неплохо.

- Твоя новая пассия очаровательна, - продолжила Селин, ее пальцы легонько коснулись моего рукава. - Боюсь, наши суровые нравы могут ее сломать.

- Я достаточно силен, чтобы защитить то, что принадлежит мне, - отрезал я, но ее слова попали в цель. Хрупкость Ярославны казалась не прелестью, а слабостью.

- Конечно, конечно, - она улыбнулась, и в ее глазах вспыхнул знакомый огонек. - Но иногда даже дракону хочется... чего-то более жаркого.

Я почувствовал, как по моим жилам разливается странное тепло. Я посмотрел на Селин, и вдруг ее алое платье, ее наглый взгляд, ее знакомые губы показались мне невыносимо притягательными. Жар в крови нарастал, превращаясь в знакомый, давно забытый голод.

- Что ты подмешала в вино, ведьма? - спросил я тихо, но в моем голосе не было гнева.

- Почти ничего, мой король, - она приблизила свое лицо к моему, ее дыхание пахло чем-то еще, пьянящим и опасным.

- Чтобы развеять твою скуку. Чтобы ты вспомнил, каково это
- гореть по-настоящему.

Зелье делало свое дело. Мысль о Ярославне померкла, стала блеклой и неинтересной. Здесь же, передо мной, было нечто реальное. Осязаемое. Моя кровь пела, требуя действия, требуя обладания. Я схватил ее за руку, уже не скрывая своего желания.

- Ты играешь с огнем, Селин.

- Я всегда играла с огнем, Ирчис, - она не пыталась вырваться. Наоборот, прижалась ко мне. - И я никогда не обжигалась.

Я не стал больше говорить. Зелье и ее наглая уверенность разожгли во мне дикий, первобытный огонь. Я поволок ее прочь из зала, не обращая внимания на удивленные взгляды. Мы прошли по коридорам, и каждая клетка моего тела кричала о ней.

Я втолкнул ее в свои покои, в ту самую спальню, где еще витал аромат Ярославны, и захлопнул дверь. Разум мой был затуманен ядовитым туманом желания, в котором осталась только она - наглая, знающая меня слишком хорошо.

Это не было любовью. Ее губы были жадными, ее прикосновения - дерзкими. Она рвала застёжки на моем камзоле, а я - шнуровку на ее платье. Она кусала мои губы до крови, а я впивался пальцами в ее бедра, оставляя синяки на белой коже.

Мы рухнули на кровать, и мир сузился до хриплых сто-

нов, до жара двух тел, сошедшихся в яростном, беспощадном танце. Она была той самой бурей, той самой опасностью, которой мне не хватало. Она напоминала мне, кто я такой. Дракон. Хищник. Тот, кто берет то, что хочет. В какой-то момент, в пылу страсти, она прошептала мне на ухо:

- Она никогда не поймет тебя, как я. А я... я твое отражение, Иртис.

Опьяненный зельем и ее телом, я почти поверил ей. Почти.

И в этот самый миг дверь спальни с тихим скрипом приоткрылась. На пороге, бледная как полотно, застыла Ярославна. Ее огромные глаза еще сильнее расширились, взгляд медленно скользнул по моей обнаженной спине, по спутанным алым шелкам платья на полу, по торжествующему лицу Селин.

- Иртис... - выдохнула она.

Короткий, захлебнувшийся выдох, обрывок воздуха, больше похожий на стон. Потом она резко развернулась и выбежала, а в следующее мгновение из коридора донесся приглушенный, раздирающий душу звук - сдавленное рыдание, которое она уже не могла сдержать. Звук удаляющихся, спотыкающихся шагов растворился в тишине.

На смену животному удовлетворению пришла острая, тошнотворная волна... пустоты. И стыда. Селин прильнула к моему плечу, ее пальцы рисовали круги на моей груди, самодовольная улыбка не сходила с ее губ.

- Видишь? Я сказала. Мы созданы друг для друга.

Я не ответил. Я смотрел в темноту и видел другие глаза. Темные, полные доверия и страха. Глаза, которые я предал. Я грубо отстранил ее, поднялся с кровати и подошел к окну. Ночь была тихой и прекрасной. Где-то там, в Западном крыле, рыдала моя невеста. Моя жемчужина. Которую я только что уничтожил.

- Убирайся, - прорычал я, не оборачиваясь.

- Ирчис?.. - в голосе Селин прозвучала неуверенность, сменившаяся обидой.

- Я сказал, убирайся! - мой голос грохнул, как удар грома, заставив ее содрогнуться.

Она что-то пробормотала, быстрые движения одевания отдавались в тишине комнаты. Дверь открылась и захлопнулась. Я остался один. В комнате пахло сексом и предательством. Зелье окончательно отпустило мою голову, оставив лишь горькое послевкусие и ледяную ясность. На контрасте произошедшего чистота Ярославны уже не казалась слабостью. Она стала чем-то бесконечно более ценным. Мне надо было срочно идти к ней. Объяснить, что это было ошибкой, молить о прощении...

Я накинул плащ и поспешил в крыло Ярославны. Но ее спальня оказалась пуста. Лишь на кровати лежало серебряное платье, в котором она была утром на балу.

Глава 10

Ярославна

После покушения мир сузился до размеров моих покоев. Они были роскошны: шелк, мрамор, ароматы дорогих масел, пение экзотических птиц в позолоченных клетках. Но клетка оставалась клеткой, даже если ее прутья были из чистого золота. Страх теперь жил во мне постоянно - тихий, притаившийся зверек под сердцем, который вздрагивал от каждого неожиданного звука, от каждой тени, шевельнувшейся за окном.

Иртис окружил меня двойной охраной. Я не могла сделать шага без того, чтобы за спиной не зазвучали тяжелые шаги. Он по-прежнему посещал меня, ужинал со мной, одаривал подарками, но его золотые глаза, всегда такие пронзительные, теперь часто смотрели сквозь меня. Его прикосновения стали редкими, какими-то механическими. Он целовал мой лоб, как родственник, а не как жених. И в этой ледяной вежливости было что-то неприятное.

Слухи о леди Селин ползли по дворцу, как ядовитый плющ. Я пыталась не замечать. Я цеплялась за его слова о вечной любви, о троне рядом с ним, о том, что я - его истинная. Я так отчаянно хотела верить, что нашла наконец свое место. Что после предательства в прошлой жизни судьба подарила мне сказку. Но чем навязчивее были слухи, тем силь-

нее сжимался тот холодный ком под сердцем.

В ту ночь мне приснился кошмар. Я снова бежала по коридору в свадебном платье, а из-за каждой двери доносились те самые звуки - влажные, ритмичные, животные. И смех Вики. Я проснулась в холодном поту, сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть из груди. Воздух в комнате был спертым, пропитанным запахом увядающих цветов. Мне нужно было выйти. Просто подышать. Увидеть звезды. Хоть что-то настоящее.

Я накинула первый попавшийся под руку темно-синий шелковый халат и, не зажигая света, выскользнула в коридор. Охранники у дверей вздрогнули, поднявшись.

- Мне надо к королю, - произнесла я.

Они переглянулись. Один из них, молодой, с беспокойными глазами, кивнул.

- Мы проводим вас, миледи.

Уже в королевском крыле, стражники почтительно замерли в самом начале коридора. А я направилась к спальне Ир-тиса. Подойдя к двери, я остановилась, чтобы открыть, и вдруг уловила за ней шум. Сначала смех. Женский. Звонкий, торжествующий, знакомый до оскотины. Селин.

Потом - его голос. Низкий, хриплый. В нем звучали нотки, которых я никогда не слышала, обращаясь ко мне - темное, хищное удовольствие.

Меня будто пригвоздило к месту. Холод сковал все тело. Не надо, - молила я сама себя. - Не иди. Не смотри. Уйди

сейчас же. Но ноги будто выросли в каменный пол. Какая-то самоубийственная часть меня тянулась к этому звуку, как к краю пропасти.

Я медленно, как во сне, нажав на ручку толкнула дверь. И застыла, не дыша. Пульсация крови в висках заглушала все остальные звуки. На черных простынях, в свете факелов и магических шаров, они были похожи на двух сцепившихся хищников. Ее алое платье было порвано и сползло до талии, обнажая спину, усыпанную родинками, которые я видела однажды, когда она наклонялась за упавшим веером. Ее светлые волосы были растрепаны, а голова запрокинута в экстазе.

Она сидела на нем, двигаясь с такой животной, уверенной силой, что у меня перехватило дыхание. Ее ногти, алые, как ее платье, впивались в его грудь, а губы были приоткрыты в беззвучном стоне наслаждения.

А он... Ирчис. Мой жених. Король-дракон. Его глаза были закрыты, лицо искажено всепоглощающей страстью, которую он никогда не проявлял со мной. Его руки, сильные и властные, сжимали ее бедра, помогая ее движениям, впиваясь в плоть. Он что-то выкрикнул. Это был хриплый, глубокий звук чистого, неприкрытого желания. Звук, который я у него никогда не слышала. Воздух вырвался из моих легких со свистом. Я схватилась за стену, чтобы не упасть. В глазах потемнело, в ушах зазвенело. Я видела, как ее тело изги-

бается в последнем, триумфальном спазме, как он с рыком переворачивает ее и завершает свое, уже не скрывая дикой, драконьей силы. Ее крик, полный победы и удовлетворения, пронзил ночную тишину и вонзился мне прямо в сердце.

- Иртис... - выдавила я из себя.

Иртис поднял голову. Его золотые глаза, затуманенные страстью, встретились с моими, сменяясь досадой. В этот миг во мне что-то оборвалось. Вся та наивная надежда, что я строила за эти недели. Вся вера в его слова, в его клятвы, в то особенное чувство, которое, как мне казалось, возникло между нами. Оно рассыпалось в прах, превратившись в горький, удушающий пепел. Сначала пришло абсолютное, леденящее оцепенение. Я оторвала пальцы от стены, и развернувшись бросилась бежать. Куда? Не знаю. Просто подальше отсюда.

Охранники что-то спросили, но я пронеслась мимо, не слыша их. Я не останусь здесь. Ни секунды.

Ворвавшись в свои покои я сорвала платье. Быстрыми, резкими движениями я накинула темный, безликий плащ с глубоким капюшоном. Из всего богатства я взяла только маленький кинжал, подаренный мне после покушения Лиаром. На всякий случай – как он сказал. Мысль о нем кольнула острой болью. Но сейчас было не до этого. Сейчас нужно было бежать.

Я знала, что не смогу выйти через дверь. Но не хотела сталкиваться с Иртисом, я понимала, что он уже идет сюда.

Открыла окно и вылезла через него. Мой путь вниз был слепым, ползущим кошмаром. Я двигалась на ощупь, нащупывая неровности в стене. Благо, мои покои были невысоко, на уровне второго этажа. Каждый звук, каждый скрип заставлял сердце замирать. Я боялась, что меня обнаружат. Боялась, что меня остановят и заставят вернуться. Это я допустить не могла.

Когда до земли оставалось пару метров, я отпустила руки и упала на мягкую землю. Холодный утренний воздух ударил мне в лицо. Я была в маленьком, замкнутом дворике личного сада. Прямо передо мной была низкая калитка в высокой внешней стене. Она была приоткрыта. Я бросила последний взгляд на возвышающиеся за моей спиной башни дворца, такие прекрасные и такие лживые.

Я толкнула калитку и выскользнула наружу, на пустынную, грязную улочку, ведущую вниз, к шумным, бедным кварталам города. В груди была дыра насквозь, а в глазах - не слезы. Я повернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Бежала в холодное утро, в неизвестность, оставляя позади трон, корону, дракона и разбитые вдребезги иллюзии. Бежала, чтобы больше никогда не быть чьей-то игрушкой, чьим-то сокровищем или чьей-то ошибкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.